18+

МАМЕДОВА САМИРА

ЛЕПЕСТКИ МИНДАЛЯ

Самира Вагиф Кызы Мамедова
Лепестки миндаля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72423532
ISBN 9785006789098

Аннотация

Любовь, начавшаяся в сети… и правда, скрытая за экраном.Меллитус летит в Париж – город её мечты и город, где её ждёт судьба. Там ей предстоит встретить доктора Алекса – человека, в руках которого её здоровье и, возможно, её сердце. Но прошлое не отпускает.Это роман о том, что любовь и преданность могут быть сильнее времени, расстояния и даже боли. Но всегда ли мы готовы встретиться лицом к лицу с правдой, если она способна разрушить мечту?

Содержание

Пролог 5
Переписка «Не твоя» и Алекса 5
Глава 1 10
Глава 2 15
Глава 3 21
гЛАВА 4 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Лепестки миндаля

Самира Вагиф Кызы Мамедова

© Самира Вагиф Кызы Мамедова, 2025

ISBN 978-5-0067-8909-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Переписка «Не твоя» и Алекса

Форум врачей и пациентов был обычно сухим: диагнозы, схемы лечения, рекомендации. Но вдруг под его постом о психологии боли появился странный комментарий.

Не твоя: – Вы слишком серьёзны, доктор. Вас срочно надо спасать. Иногда людям нужно не лечение, а слово, которое согреет.

Алекс:

– Ага, значит, я безнадёжный случай? Придётся вас назначить моим лечащим психотерапевтом. Но сразу предупреждаю: у меня хронический скептицизм и аллергия на банальности.

Не твоя:

– Отлично! У меня диплома нет, но зато чувство юмора на уровне кандидата наук.

Искра пробежала сразу. Он поймал себя на том, что обновляет страницу только ради её ответа.

Через пару дней она написала:

Не твоя:

– У меня есть любимая книга – «Клеопатра» Генри Хаггарда. Там жрец по имени Гармахис предаёт Клеопатру, по-

тому что влюблён в неё до безумия. Представляете? Мужчина, который должен служить храму, служит своей страсти. Вы бы его осудили?

Алекс:

– Осудил бы. За то, что не смог выбрать. Врач во мне считает: если уж любишь, лечи. Если уж служишь, то не предавай. А как мужчина… боюсь, я бы тоже пал жертвой её глаз.

Не твоя:

– Ах, доктор, значит, в вас всё-таки живёт романтик. Хоть вы и прячетесь за сарказмом.

Он усмехнулся. Да, в ней было чутьё – она умела видеть глубже. Позже их разговоры вышли далеко за рамки книг.

Не твоя:

– Я обожаю футбол. С детства. Отец каждый чемпионат мира покупал новый телевизор. В девяностом, когда Германия выиграла, он притащил домой огромный ящик, и мы смотрели все матчи. Я болею за Бразилию, а в чемпионатах – за «Интер» (из-за Луиса Роналдо), за «Валенсию» (из-за Марьентоса), и, конечно, за «Ливерпуль». Джерард, Оуэн, Макманаман… настоящие волшебники мяча!

Алекс:

– Футбол? Серьёзно? 22 барана бегают за одним мячом. А потом их кормят золотыми контрактами.

Не твоя:

– Неправда! Это искусство, это театр страстей. Там слёзы, надежды, триумф. А вы просто сноб.

Алекс:

– А вы – неисправимый фанат. Я даже слышу, как вы кричите «ГОООООЛ!» за монитором.

Не твоя:

– Ха-ха, попались! Именно так и делаю.

Он представил её: смеющуюся, живую, с блеском в глазах. И поймал себя на том, что сердце сжалось.

Однажды она призналась:

Не твоя:

– Я никогда не видела море. Никогда. Только в книгах и на картинках.

Он задумался и ответил длинно:

Алекс:

– Море пахнет вечностью. Солёный ветер обжигает губы, а в груди появляется странное чувство: будто ты ничтожно мал, но в то же время часть чего-то огромного. Волны бьются, шипят, как будто спорят, кто из них дольше продержится. И каждый раз, когда одна уходит, другая тут же занимает её место. Это дыхание планеты.

Не твоя:

– Знаете, доктор… по вашему описанию я почувствовала, как море пахнет лепестками миндаля.

Эти слова он перечитывал десятки раз.

Иногда она исчезала на пару дней, потом возвращалась с новой шуткой, словно и не было паузы. Их переписка становилась исповедью, и каждый раз он всё глубже ощущал:

он влюбляется.

И вот однажды пришёл её вопрос:

Не твоя:

– Алекс, а какой ты меня представляешь?

Он долго печатал, стирал и снова печатал:

Алекс:

– Я вижу девушку хрупкую. У тебя тонкие пальцы, большие глаза… и лёгкая походка, как у танцовщицы. У тебя длинные каштановые волосы, светлая кожа и глаза, в которых всегда есть огонь. Ты не прячешься, не играешь – ты настоящая. Не кукла, не маска. Ты та, которая смеётся над доктором, когда он слишком серьёзен, и та, которая однажды увидит море.

Она молчала почти час. Потом:

Не твоя:

– Алекс, а если бы я оказалась инвалидом… Ты бы всё равно смог меня полюбить?

Он, врач, ответил честно:

Алекс:

– Как врач скажу – нет. Я слишком часто видел боль и увядание, чтобы полюбить через это. Для любви нужна сила, равенство.

…И тишина. Больше она не вернулась.

Он перечитывал каждую её строчку. Каждый смайлик, каждое «ха-ха». Ник «Не твоя» оказался пророческим. Она и правда не стала его.

Море пахло миндалём.

Она никогда его не видела – только читала, слушала, воображала. И каждый раз запах был один и тот же – тёплый, чуть терпкий, с ноткой горечи.

Он однажды сказал: «Ты выдумщица».

А она только улыбнулась – ведь в её жизни было слишком мало выдумок, чтобы отказываться от этой.

Глава 1
«За мечтой»

На красном кресле у окна шумного зала ожидания международного аэропорта сидела женщина с густыми тёмными волосами. За стеклом осенний город тонула в дожде. Люди спешили укрыться под зонтами, но ветер рвал их из рук и швырял капли в лица. Она перевела взгляд на экран телефона – ещё два часа до вылета. Два часа до мечты… или до чужой жизни?

Впервые за всё время она задумалась: а нужна ли ей эта мечта? Париж – город, о котором она грезила с детства. Но это чужая страна, с иным менталитетом, пусть она и знала в совершенстве язык, культуру и традиции. Париж ждал. Но нужен ли он?

Её размышления прервал отчаянный плач младенца. На соседнем кресле сидела юная девушка лет восемнадцати, с длинными рыжими волосами и зелёными глазами. По её щекам катились слёзы.

– Нужна помощь? – тихо спросила женщина.

Девушка кивнула, прижав ребёнка к груди. Женщина никогда не держала младенцев – своих детей у неё не было, малыши в доме не росли. Всё, что она знала о них, – из интернета и телевизора. Но в глубине души она всегда мечтала: о сыне с тёмными глазами и дочке с мягкими золотистыми локонами. Когда-то она услышала фразу, которая врезалась в память: «Если мужчина не любит женщину, его ничем не удержать – ни детьми, ни страстью. А если любит, он примет даже её детей от другого как своих». Тогда это казалось ей романтичным, а теперь – почти горьким пророчеством.

И всё же, к собственному удивлению, рука сама потянулась помочь.

Меллитус не знала, что этот крошечный тёплый комочек в её руках уже был связан с её будущим. И что однажды, в другом городе, она снова его увидит.

Собрав волосы в пучок, она обработала руки антисептиком и осторожно взяла малышку. Девочке было не больше четырёх месяцев – маленькая куколка с небесно-голубыми глазами. Осмотрев зал, женщина заметила широкий круглый диван и направилась туда вместе с молодой мамой.

Она распеленала ребёнка – и в паху увидела два воспалённых пятнышка. Потница. Малышка ёрзала и плакала от боли. Женщина слегка подула на раздражённую кожу, и кроха начала успокаиваться.

– У вас есть присыпка или мазь? – спросила она, подняв карие глаза на молодую маму.

Та отрицательно покачала головой.

Женщина мгновенно направилась в аптеку, купила всё необходимое и вернулась. Осторожно обработав ранки, она увидела, как малышка уснула, а на лице матери засияла благодарность.

– Меня зовут Меллитус, – представилась женщина.

– А меня Элина, – улыбнулась девушка.

– Куда летишь, Элина?

– В Париж. А вы?

– Туда же.

Элина бросила взгляд на ноги Меллитус:

– Простите, а что у вас с ними?

– Диагноз – остеопатия нижних конечностей, – тихо, но с гордой ноткой в голосе ответила Меллитус.

В этот момент объявили их рейс. Элина попросила стюардессу посадить её рядом с Меллитус.

В полёте девушка раскрыла свою историю. Она приехала в чужую страну к мужчине, которого встретила на сайте и безумно полюбила. Через полгода совместной жизни выяснила: он женат, у него двое взрослых детей. Она уже ждала ребёнка – ту самую Элен, которую сейчас держала на руках.

– Он клялся, что мы будем вместе. Но его жена сделала всё, чтобы превратить мою жизнь в ад. Брат её работает в органах юстиции – от него приходили люди из соцслужб, угрожали лишить меня прав на дочь. Отец Элен просил потерпеть, уверял, что всё это – просто запугивание. А потом… меня арестовали за просроченный паспорт и депортировали.

Элина шмыгнула носом, прижала дочку крепче. В динамиках прозвучало объявление о посадке: самолёт шёл на снижение. Они пристегнули ремни, переглянулись – словно договорились молча продолжить этот разговор уже на земле.

Колёса коснулись полосы Шарля де Голля. Паспортный контроль, багажная лента, сквозняки длинных коридоров – всё промелькнуло как в тумане. У выхода они обменялись телефонами: Меллитус проводила Элину до стойки такси, до-

ждалась, пока та с малышкой устроится в машине, и только тогда вызвала себе автомобиль.

Глава 2
«первая встреча»

Через час город за стеклом сменился белыми фасадами клиники. Регистратура, лифт, короткий коридор. «Первичная консультация – шестой этаж», – подсказала улыбчивая администратор. Меллитус вдохнула глубже, поправила волосы и вошла в кабинет.

У дверей кабинета Меллитус столкнулась с женщиной в инвалидной коляске. У той не было обеих ног. Они обменялись вежливыми кивками – короткий, но полный смысла знак признания чужой боли.

Меллитус подошла к секретарю, назвала свою фамилию:
– Вард. У меня назначен приём.

Секретарь сверилась с компьютером и провела её в кабинет.

Комната оказалась светлой и просторной. В конце, у окна во всю стену, стоял мужчина. Высокий – почти метр девяносто, с прямой спиной и широкими плечами. На нём был идеально сидящий светло-зелёный медицинский костюм, под-

черкивавший спортивную фигуру. Он глядел в дождливый осенний Париж – задумчиво, будто что-то решая для себя.

Меллитус устроилась на диване и тихо поздоровалась. Доктор обернулся, но не двинулся с места. Его взгляд был внимательным, но отстранённым.

– Меллитус? – уточнил он.

Она кивнула.

– Как вы долетели? – спросил он на чистом французском.

– Хорошо, – так же по-французски ответила она.

Доктор замолчал. По выражению лица было видно: его мысли всё ещё там, у женщины в коляске, встреченной Меллитус в коридоре.

Она поднялась и подошла к нему. Её рост едва доходил ему до груди, и чтобы встретиться с его взглядом, приходилось закидывать голову назад. От него исходил тонкий, благородный аромат. Молча повернувшись к окну, она заметила силуэт Эйфелевой башни.

– О, она совсем рядом! – удивлённо воскликнула Меллитус.

– Не так уж и близко, – мягко возразил он. – Но и не слишком далеко.

Затем, сменив тему, спросил уже на русском:

– Почему вы выбрали лечение именно здесь? В вашей стране ведь немало специалистов.

Меллитус ответила вопросом на вопрос:

– А почему вы не открыли клинику там? Неужели условия здесь лучше?

Доктор приподнял бровь, чуть усмехнулся, но прямого ответа не дал:

– Я один. Разорваться невозможно.

– Но хоть ученикам вы передаёте свой опыт? Как профессор Елизаров, который тоже создал особый метод лечения? – не отступала Меллитус.

– Да. Я преподаю, – коротко подтвердил он. – Но всё же… вы так и не сказали, почему выбрали именно меня.

Она посмотрела прямо ему в глаза и с улыбкой ответила:

– Потому что вы один единственный и разорваться не можете.

Доктор улыбнулся и присел за стол.

– Ваша болезнь для медицины не редкость, это для не медиков выглядит- он вдруг сменил тон, слегка карикатурно

имитируя голос старушки:

– «Бедная деточка! Какой ужас! Господи, за что?» – и сам же усмехнулся.

Да, у вас – особый случай: поражён весь скелет. Обычно мы видим локальные проявления – ноги, руки или позвоночник. У вас всё сразу. И это действительно каверзно.

Она всё же не сдавалась:

– Значит, вы не хотите меня лечить?

Доктор мягко взял её под руку, подвёл к белоснежному креслу напротив своего стола.

– Хочу. Но всё должно быть по порядку. Сначала – ноги. Потом – руки. Затем позвоночник.

Он замолчал, и теперь его взгляд задержался на её лице. Не оценивающе, не как у врача – иначе.

В его сознании мелькнула мысль:

«Какие у неё глаза… глубокие, тёплые. Светятся изнутри. И ни капли злости, ни горечи. Большинство пациентов с куда меньшими проблемами ожесточены на весь мир. А она… другая».

Доктор слегка склонил голову, прищурился, будто подмечая детали:

– И нос… если хочешь, его тоже можно исправить. Он у тебя с небольшой горбинкой.

Меллитус не удержалась и расхохоталась:
– Да, доктор, это моя самая большая беда. Начните с него!

Смех её был заразителен, и в кабинете сразу установилась лёгкая, почти домашняя атмосфера. Она смотрела на него с такой теплотой, словно знала его много лет. Тёмные волосы доктора отливали серебром у висков, а в глазах отражались доброта и мягкая, спокойная сила.

– Доктор, – сказала она тихо, – вы гораздо лучше, чем я вас представляла.

– Меллитус, – произнёс он мягко, – дайте мне день, чтобы обдумать план действий. Я хочу быть честен: да, вы присылали мне все выписки, рентгеновские снимки, исследования… но в реальности всё выглядит иначе. Первое правило врача – не навреди. Мне нужно всё тщательно взвесить, чтобы избежать ошибки, которая могла бы сделать вас полностью недееспособной. Сейчас вы хотя бы способны себя обслуживать и не нуждаетесь в постоянной помощи.

Он на секунду замолчал, потом, будто сменив тему, предложил:

– А теперь пойдём, перекусим. У нас внизу прекрасная кухня. Уверен, ты проголодалась.

Глава 3
«ты мой, а я твоя, даже если рухнет мир – никто нас не сможет разделить»

Они молча вышли в коридор и двинулись к лифту. С шестого этажа спустились на третий и направились к столику у окна.

По дороге он ещё раз спросил:
– Ну и как долетела?

Меллитус улыбнулась устало, но старалась скрыть напряжение:
– Был небольшой казус в аэропорту: пришлось долго ходить и стоять на ногах. А потом сразу сюда. Поясница, конечно, болит, но в остальном всё хорошо.

Доктор посмотрел на неё с лёгкой насмешкой, в голосе прозвучала нежность:
– Ух ты, моя бедняжечка…

Они оба засмеялись и, всё ещё улыбаясь, подошли к сто-

лику.

– Надеюсь, ты не против, что я, не спросив, перешёл на «ты»? – сказал он.

– Напротив, – улыбнулась она. – Для меня это знак, что я для вас не чужая.

Он приподнял бровь и, чуть нахмурившись, уточнил:

– Что тебе принести?

– Всё, что угодно, главное – без свинины. И… кофе, доктор Левандрис, – сказала она так мягко, что в её просьбе слышался почти приказ.

Он громко рассмеялся:

– Есть, мой женераль, – ответил он по-русски с французским акцентом и ушёл за заказом.

Вскоре официант принёс куриные отбивные с картофелем фри и ароматный бульон.

– Доктор Левандрис, знаете, сколько раз я читала «Нотр-Дам де Пари» Гюго? – с улыбкой сказала Меллитус. – Смотрела все экранизации, под разными названиями… и никогда не думала, что окажусь в роли горбуна… в парижском

кафе… с очень красивым мужчиной… и буду есть картошку фри с куриным бульоном. Ведь правда говорят: пути Господни неисповедимы, – она рассмеялась.

В этот момент Левандрис как раз поднёс ложку к губам, и её слова заставили его замереть. Сравнение показалось ему не слишком удачным, но он оценил её смелость смеяться над собой – редкий дар, который позволял смотреть в лицо боли без озлобленности и без обвинений миру.

Он молча положил ложку обратно в тарелку, приподнял бровь и, чуть лукаво прищурившись, спросил: – И в качестве какого мужчины? Надеюсь, не в роли священника? – и неожиданно показал ей язык.

Она звонко рассмеялась. Смех – тёплый, искренний, настолько заразительный, что несколько посетителей обернулись.

Алекс поймал себя на мысли: когда Меллитус сидит, почти не заметно, что её тело изуродовано болезнью.

Он, сам того не желая, вслух добавил: – Знаешь, никогда не любил Гюго. «Отверженные» меня тяготили ещё в школе. Всё там как-то… тяжело, безысходно. Даже экранизация – слишком много пафоса, слишком много страданий. Ни живого дыхания, ни настоящей любви. Я читал и всё время ловил себя на мысли: зачем мучить людей такими историями? Жизнь и так не сахар.

Он сделал паузу и, чуть смягчившись, улыбнулся:

– Но если уж выбирать… пусть это будет не «горбун из со-

бора», а, скажем, красивая женщина, которая ест картошку фри и смеётся так, что хочется слушать этот смех снова и снова.

Она покраснела и отвела взгляд, делая вид, что сосредоточена на тарелке, но её улыбка всё ещё дрожала на губах.

– О чём вы думаете, доктор Левандрис? – спросила она, всё ещё улыбаясь.

– Называй меня Алекс, – ответил он, – и думаю я о тебе. Завтра, в одиннадцать утра, жду тебя. А сейчас… уже почти восемь вечера, мне пора домой – сегодня моя дочь вернулась, я не видел её больше года. А тебе нужно отдохнуть. Завтра будет непростой день – начало нашего сложного пути. Скажи, тебе есть где остановиться? Или останешься в клинике?

– Есть, – кивнула она. – Перед отъездом из страны я купила небольшую квартиру в Париже, на соседней улице.

– Тебя подвезти? Или ты на машине?

– Нет, машины пока нет, – ответила Меллитус с лёгкой иронией. – Но могу вызвать такси. Мы же не в ауле.

– Такси не нужно, – отмахнулся он. – Подвезу сам. Сей-

час поднимусь, переоденусь – и поедем. Скинем с себя этот долгий рабочий день.

– Я подожду в холле, Алекс.

Они направились к лифту. Он поднялся на шестой этаж, а она спустилась на первый – в разных кабинах.

Холл был почти пуст. Меллитус устроилась в кресле напротив дверей лифта и, ожидая его, невольно вспомнила утро: шумный поток пациентов, запах кофе из кафетерия, снующих санитаров. Теперь же пространство будто вымерло, и это спокойствие странным образом усиливало волнение.

Через несколько минут он подошёл к ней, и они вместе вышли на улицу. Осенний Париж встретил их влажным воздухом и золотыми бликами фонарей на мокром асфальте. Алекс открыл перед ней дверь своей машины, помог устроиться и сел за руль.

Первые минуты ехали молча. За окнами промелькивали витрины булочных, редкие прохожие, чёрные силуэты каштанов. Внезапно Алекс включил магнитолу – и в салоне зазвучала старая турецкая песня.

Меллитус едва заметно вздрогнула. Эта мелодия была для неё особенной: именно под неё когда-то, в сети, они с Ним писали друг другу, и слова – «ты мой, а я твоя, даже если

рухнет мир – никто нас не сможет разделить» – стали их тайным паролем.

Алекс, не подозревая, бросил лёгкий взгляд на неё:
– Любишь турецкую музыку?

Она заставила себя улыбнуться, хотя сердце колотилось.
– Люблю. Особенно эту песню… – тихо ответила она. – Она всегда напоминает мне о силе слов.

Он ничего не ответил, лишь чуть прибавил звук. А она сидела рядом, слушала знакомые ноты и думала: «Если бы ты только знал…»

По дороге они почти не разговаривали – лишь изредка обменивались короткими взглядами. Меллитус ловила себя на том, что запоминает каждый поворот, каждый фонарь – словно боялась, что завтра это окажется сном.

Когда он остановился у её дома, она поблагодарила его, но Алекс только чуть заметно кивнул, будто боялся разрушить тишину, ставшую между ними удивительно тёплой.

Этой ночью она долго не могла уснуть. Мысли путались, а в памяти снова и снова вставал его взгляд – внимательный, проникающий куда-то вглубь, туда, где она давно нико-

го не пускала.

гЛАВА 4
«Испытание доктора Роберта»

На следующее утро, ровно в десять, доктор Левандрис стоял у окна своего кабинета, задумчиво наблюдая за осенним Парижем, окутанным мелким дождём. Вдруг он резко отошёл, нажал кнопку вызова и попросил секретаря пригласить к нему доктора Санчеса, Вильсона, Жюно, Голштейна и Де Виля.

– И ещё, Энжел, – добавил он, глядя на длинноногую блондинку в белоснежном халате, – как только придёт Меллитус, сразу проведите её. И, пожалуйста, перенаправьте всех сегодняшних пациентов к доктору Робертсу. Сегодня я не принимаю.

Через несколько минут в просторном кабинете собрались трое мужчин и две женщины. Меллитус, войдя, сразу узнала их по фотографиям из медицинских статей и интервью.

– Меллитус, познакомься, – представил их Алекс. – Доктор Санчес, доктор Вильсон, доктор Голштейн, доктор Жюно и доктор Де Виль.

Он перевёл взгляд на коллег:

– Перейду сразу к делу. У нашей пациентки врождённая дисплазия нижних конечностей. По её словам, родилась она здоровой, но с полутора-двух лет, после начала ходьбы, появились искривления. Лечение проводилось только медикаментозное и мануальное. В результате – «S» -образный сколиоз, гиперлордоз грудного и поясничного отделов. Я хочу услышать ваше мнение, сможем ли мы помочь.

Доктор Санчес, высокий мужчина с уверенным взглядом, ответил без паузы:

– Возможно всё. Но это займёт не меньше трёх лет: операция, реабилитация, восстановление. Для начала – полное МРТ и КТ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.